

БЕСКОНЕЧНОЕ ВОСЬМОЕ МАРТА

16+

инфантильная проза

КСЕНИЯ СМЕРНОВА

Ксения Смирнова

Бесконечное восьмое марта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63015378

SelfPub; 2020

Аннотация

Откуда берутся счастливые женщины? Из хохота семилетних девчонок с полными карманами фантиков. Из фантазий старшеклассниц с чёрной помадой. Из иллюзий молодых мамочек, впервые взявших на руки настоящего младенца. Из разочарований стервозных красавиц. Из простой непростой жизни. В судьбе Аллы Ивановой не было ни принца, ни дворца, ни алмазных россыпей. Зато случилась любовь. И не проходит. Несмотря на жизненные сюрпризы, не всегда приятные, Алла с лёгкостью находит нестандартный выход из ситуаций. Её спасает несерьёзное отношение к миру и к себе. "Бесконечное восьмое марта" – это истории из Алкиного детства восьмидесятых, юности девяностых, замужества двухтысячных, материнства по большой любви, а не по государственным программам. Жизнь отъявленной оптимистки Аллы Ивановой – это фейерверк смешных и драматичных, театральных и бытовых историй. Но все они про счастье и про любовь.

Содержание

За «ЧО»	4
Белая Мимоза	6
Как Алла стала бабушкой	9
21 плюс	16
Лексус в кустах	21
Мёртвый букет	29
Про отца	36
Непростое украшение	40
Конец ознакомительного фрагмента.	49

За «ЧО»

– А сколько тебе лет?

– Шестнадцать! – всегда, не задумываясь, отвечала Алла.

Мать двоих внезапно взрослых сыновей, пёсо-владелица и водитель престарелой «десятки» с серьёзным стажем.

Потом в голове поочерёдно всплывали цифры: «восемнадцать», «двадцать один», «двадцать шесть». Из зеркала с непроходимым оптимизмом улыбалась какая-то кудрявая красотка. Из прошлого тысячелетия заговорщически подмигивал год рождения.

Продираясь сквозь математические дебри тернистым путём гуманитария, Алла обнаруживала искомое число. Иногда с помощью калькулятора. Иногда в уме. Но чаще – спрашивала у любимого мужа. Он всегда был в курсе и мог дать точный ответ.

Алла сперва хохотала, потом удивлялась: «Да ладно?»

Странно, что со временем число менялось. В два, а то и в два с лишним раза стало превышать легкомысленное «шестнадцать». А ещё говорят, математика – точная наука!

Теперь Алле сорок один. Цифра запоминающаяся.

– Чё?

– Да ничё, а «за ЧО». Ну и чё?

Цветущая молодая женщина. Глаз горит, каблук двенадцать сантиметров, на голове – творческий беспорядок. А

внутри головы...

– Сорок лет – ума нет – так уж и не будет, – Алла любила повторять народную мудрость, – нечего понапрасну и горевать.

И не печалилась. Даже если порой сетовала на пробивающуюся седину или первые морщинки, это не портило настроения.

– Седину закрасим. Анята не парикмахер, а волшебница, а лучики у глаз... Мимические! Ржу много. Смех продлевает жизнь, а счастье зависит от угла и цвета зрения.

Угол для Аллы обычно был закруглённым, а цвет отдавал розовым.

Для многих женщин быть «за ЧО» – страшно и обидно. Но это не про Аллу. Про Аллу будет дальше.

Белая Мимоза

Апрель выдался мокрым и слякотным. По территории приюта для животных кое-где были разбросаны доски так, чтобы можно было пробраться от вольера к вольеру. Шаг вправо, шаг влево – и ты застрял в густой жиже. Перекрикивая собачий лай, процессия из двоих взрослых и одного малыша гуськом добралась до клетки и выстроилась в ряд.

– Она что – белая?

– Белая с чёрным крапом. Как Белый Бим – Чёрное ухо. Да забирайте, не сомневайтесь!

Когда Алла думала о собаке, ей всегда представлялось что-то рыжее. В крайнем случае – чёрное. Но белая?

Пятилетний Санька, предусмотрительно обутый в резиновые сапоги, с любопытством рассматривал собаку и ни о чём не беспокоился. Алла с подругой Танькой стояли в грязи по самые шпильки, и с каждой секундой риск завязнуть по уши нарастал. Тут не до философских размышлений о масти.

– Вызываем такси и поехали! – Таня в любой ситуации предпочитала действовать.

Осторожно взяв собаку на руки – мало ли что у неё в голове, чужая собака, – Алла выбралась за территорию.

– А кто с ней будет гулять? А как её зовут? – трещал Санька.

– Мимоза! Её зовут Мимоза! – крикнула девушка-волон-

тёр, торопливо закрывая за ними ворота, не давая шанса передумать.

– Ещё и Мимоза... Ну и имя...

Танька обрывала телефоны всем возможным такси. Никто не хотел везти двоих взрослых, ребёнка и собаку среднего размера.

– Откуда я знаю, агрессивная ли она?! – орала Танька в трубку – я её первый раз вижу! Подстилка есть! Деньги ... Алл, есть у тебя деньги? Найдем денег! В ошейнике! Да понятия не имею, что за порода! Так и запишите: собака среднего размера, зовут Мимоза!!!! Ждём!

Алла держала безвольное тело на руках, стараясь не думать об испорченном жакете и не смотреть на неё. Мимоза не сопротивлялась, не дёргалась. «Ты хотела собаку – вот тебе собака. Грязная, мокрая, белая... Да мы так-то все грязные и мокрые. Потому что дождь и грязь!»

Такие они и забрались в «девятку» к весёлому таксисту Серёге, который не побоялся везти собаку средних размеров неизвестной породы, мокрую и грязную, с такими же мокрыми людьми.

Всю дорогу Танька пела водителю дифирамбы о том, что Родина его не забудет, общество защиты животных запишет в почётные члены пожизненно, а всемирная организация Гринпис непременно выдаст медаль. Зеленого цвета.

Санька спрашивал:

– А чем будем кормить? А она учёная? А можно я буду

с ней играть? – и стучал испачканными сапогами в спинку водительского кресла. Серёга не обижался.

В середине заднего сиденья на стареньком покрывале сжалась белая с чёрным крапом собака средних размеров, и вид у неё был усталый, обречённый и от этого со всем согласный.

А Алла, рассматривая забрызганные колготки и комья глины, налипшие на каблук, крутила в голове только одну мысль: « Она белая? Никогда не думала, что у меня будет белая собака...»

Пожелав водителю Серёге не забыть заехать на мойку, хотя:

– После нас можно сразу на помойку, – Танька с удовлетворением захлопнула дверь такси.

На руках – от стресса идти пешком Мимоза не могла – Алла втащила собаку в однокомнатную квартиру на третьем этаже, где уже обитали муж – дядя Паша, она и мальчишки – Димка с Санькой.

Собака замерла посередине коридора, такого узенького, что обойти нереально – пришлось перешагивать. Не двигалась, смотрела жалобно.

– Поздравляю тебя, Мимоза! Ты попала в прекрасную сумасшедшую семью! Имей ввиду, из нормальных здесь – только Дима. Ну, всё, я помчалась! Чмоки! – крикнула Танька, уже спускаясь по лестнице.

Так в жизни Аллы появилась Мимоза.

Как Алла стала бабушкой

– Ой, ты моя девочка! Ай, ты моя красавица! – приговаривала Алла, когда они с Мимозой выбегали гулять на майское поле рядом с домом.

– Разве это – красавица? – ворчал дядя Паша, – что это вообще за собака? Недоразумение! Шерсть висит клочьями.

– А мы её расчешем! – пела Алла.

– Вроде, должна быть белой, а сама не то жёлтая, не то серая!

– А мы её отмоем!

– Тощая, как велосипед, – не сдавался дядя Паша

– А мы её на усиленное питание! – у Аллы на всё был ответ.

– О! Взгляд! Взгляд у неё какой-то... Жалкий...

– Так, Пашка, любить её будем крепко-крепко, сильно-сильно. И ты, поверь, тоже. Вот прямо скоро-скоро будешь души не чаять в Мимозочке. Уж я-то тебя знаю, – хотала Алла, целуя мужа в нос, в колючие щёки.

А Мимоза обнюхивала деревья, жевала траву, осматривалась на новом месте, никуда не рвалась с поводка. Наоборот, старалась далеко не отходить от новых хозяев. Слишком мало прошло времени, чтобы забыть каково это – остаться в одиночестве.

Новые хозяева – дядя Паша, Алкин муж, двое мальчишек

– Димка и Санька, сама Алла – старались как могли, чтобы собака поняла: они одна семья и это навсегда.

Кормить было решено скромно, но сытно и обильно. Никаких деликатесов и специальных собачьих кормов, привыкнет – ничего другого есть не станет. Геркулес на крепком бульоне с мясопродуктами – идеальное сочетание: питательность – объём – цена.

Мимоза ела деликатно, как бы извиняясь. Выбирала мясные сочные кусочки, вылизывала гущу до самого доньшка. Не спеша, с достоинством, словно у неё всегда была полная миска, и не приходилось бороться с жизнью за каждый кусок.

Не прошло и трёх недель с того момента, как собака покинула приют, доброе отношение и усиленное питание дали результаты. Из тощего, облезлого и несчастного животного Мимоза превратилась в настоящую красотку! Белоснежная пушистая шерсть, выразительный чёрный крап. Ну, прямо, английский сеттер, если не бордер-колли!

Вот только взгляд по-прежнему выдавал нелёгкое прошлое: беспокойный, настороженный и грустный.

– Как хорошо я тебя откормила, принцесса моя! – ворковала хозяйка. – На говяжьем бульоне ты у меня поправилась, раздобрела. Скоро и повеселеешь, – Алла не сомневалась.

– О, Таня – гроза автострад! Давай, вези меня. Будем твою водительскую квалификацию проверять! – Алла забралась в салон новенького красного Матисса.

Сияющая Танька предупредила:

– Только, Алл, давай сразу договоримся: меня не отвлекать!

Опыта вождения у Таньки было хоть отбавляй – почти две недели. Поэтому, хочешь ехать домой с ветерком – будь добра помалкивай.

Выбор между вонючей душной маршруткой и чистым салоном маленького автомобильчика был очевиден.

Поехали!

Это было очень непривычно. Хохотушку и балаболку-Таньку переговорить, а точнее – переорать – было нереально. Но сегодня её как подменили. Точнее, она превратилась в робота. Идеально прямая спина. Голова на длинной шее поворачивается по чёткой схеме: налево – прямо – направо – прямо – налево. Мёртвой хваткой вцепившись в руль, она сосредоточенно вела машину со скоростью 30 километров в час.

Молчание сгушалось. Алла заскучала. Она пробовала вертеть головой вслед за Танькой, но ничего интересного не увидела. Потом тихонечко, чтобы не отвлекать водителя прошептала:

– Таня...

Ноль реакции.

– Танечка...

Молчок.

– Тань, скажи, а...

– Заткнись! Мне сложно! – зашипела Таня, не отрывая взгляда от дороги.

– Прости – прости. Я думала, шёпотом можно.

– Алл!

В те времена у Аллы не было опыта вождения, не было прав, даже машины в их семье никогда не бывало. И не предвиделось. Зато была собака! Прекрасная Мимоза!

Быстро привыкла, быстро поправилась, на собаку стала похожа. Алла радовалась про себя, глуповатая улыбка блуждала по лицу, отражая радужность размышлений.

Рядом за рулём пыхтела Танька.

Тут раздался телефонный звонок. Напрочь забыв договорённость не отвлекать, Алла беззаботно мурлыкнула в трубку:

– Да, дорогой! А мы тут... – вспомнила и перешла на сдавленный шёпот, – с Танюшей на машине домой едем.

– Поздравляю вас, вы стали бабушкой! – дядя Паша на том конце невидимого провода явно был расположен к шуткам.

– Смешно, Паш. Я скоро буду.

– Мимоза родила щенка!

– Что? В смысле? Какого ещё щенка?! Не, ну ты представляешь, Тань, Мимоза-то! Блин, что делать-то?

– Заткнуться!

Новость была такой неожиданной, что Алла даже не обратила внимания, что крошка-Матисс мечется по дороге зиг-

загами, а белая от ужаса и злости Танька изо всех сил пытается справиться с управлением. Она справилась. И даже не высадила подругу на полпути, но клятвенно обещала больше никогда не сажать в машину эту «сумасшедшую собачью бабушку».

Мимоза лежала на коврике, благодарно и, наконец, без тени тревоги, глядя на домашних. А под тёплым розовым брюхом её копошился белый – белый новорождённый хомячок.

И пятилетний Санька сказал:

– Теперь у нашей собаки тоже есть собака!

Счастье-то какое!

Получить водительские права – это круто.

Уметь водить машину – прекрасно.

Управлять собственным автомобилем – сказка!

Вести неравный бой с престарелым шедевром отечественного автопрома – подвиг.

Алла совершала подвиг ежедневно.

Проржавевшую до кружевного состояния зверь-машину десятой модели «Жигули» любовно называли «Ксюшенькой». Член семьи! Тёмно-синяя железная леди была под стать хозяйке: в возрасте и с характером.

За десять лет совместных путешествий Алла становилась для неё не только водителем, но и доктором, косметологом, а иногда психотерапевтом. Старушка отвечала взаимностью. Бесстрашно катила по любой дороге и без таковой. Безро-

потно соглашалась заменить жизненно важные жидкости на воду из ближайшего водоёма. Легко исполняла функции палатки, грузовика, понтОВОЗНОГО лимузина и маленького танка.

Особое внимание уделялось спа-процедурам: мойка строго два раза в год. Традиция возникла после того, как памятным ноябрьским вечером Алла хорошенько вымыла старушку, чтобы та всю зиму чувствовала себя красавицей. И, начиная со следующего же утра, ежедневно, вплоть до апреля, Алла попадала в салон как угодно, только не через водительскую дверь.

Ведь ясной ночью ударил первый мороз. Все двери, замки, стекла примёрзли намертво. Ксюшенька стояла красивая и неприступная, как Бастилия. Целую зиму Алла прыгала вокруг с полторашками кипятка, одновременно замерзая и обжигаясь, матеря и уговаривая упрямыцу сжалиться над хозяйкой. Весной, наконец, оттаяла вся жидкость, что пряталась в укромных уголках Ксюшенькиного древнего организма, и старушка гостеприимно распахнула двери, стекла и покорно позволила вонзить ключ в замок. Алла торжественно поклялась: эту зиму не забыть, жертв красоте не приносить и больше никогда не залезать в машину через багажник. Обещание выполнялось чётко: мылись в начале лета и в конце. Чтобы наверняка.

А еще в салоне хранилась часть Аллиного гардероба. Поэтому прогнозом погоды Алла не озадачивалась – Ксюшень-

ка всегда рядом. Она предоставит всё, что может пригодиться: от резиновых сапог до бального платья.

Была у машины ещё одна характерная особенность. Как только они с Аллой отъезжали от дома чуть дальше, чем на пятьдесят километров, боевая подруга всеми способами показывала, что пора обратно. То захромает на одно колесо, то заплюёт антифризом лобовое стекло, разорвав радиатор в клочья, то останавливается и никакие уговоры не помогают. Очень сильно к дому привязана. Да и возраст почтенный. Поэтому в дальние путешествия Алла Ксюшеньку не брала.

21 плюс

– Аллочка, птичка моя, а ты сегодня дневная или ночная? – дядя Паша почти спал и решил уточнить, как скоро погаснет свет в комнате. Жена по обыкновению читала в постели.

– Завтра буду раноутренняя! И упорхну от тебя на весь выходной день! За сто километров, на семинар для продвинутых журналистов.

– Ого! Алла Владимировна, да у тебя не работа, а мечта! Думаешь, Ксюшенька доедет?

– Пусть отдохнёт! А я на бла-бла поеду. Каррр! – Алла щёлкнула кнопкой ночника.

Будильник не проспал и бодро запиликал в нужное время. Муж привычным движением накрыл его подушкой, сонно пробормотал:

– Птичка, пора вставать, – и, перевернувшись на другой бок, снова засопел.

Алла услышала обоих и обрадовалась. В обычное время она игнорировала всё, что бесцеремонно вторгалось в её утренние сны – как правило, детективные или абсурдные. Исключение делалось только для радио, очень уж забавно болтовня ведущих переплеталась с сюжетами снов. Но сегодня ей хотелось дать событиям побольше времени.

Июньское солнце сквозь лёгкие шторы палило в окно, по

традиции пытаясь облапошить, создать иллюзию тепла на улице. Тщетно. Аллу не обманешь. Она не первый июнь жила на свете и отлично знала, что начало лета ещё не повод для жары в средней полосе России.

– Карр-карр! Люблю тебя, – Алла выбежала из спальни.

– Шапку не забудь, птичка. Июнь всё же...

Конечно, модную трикотажную шапочку Алла прихватила. И шерстяную кофту надела.

И пальто.

Середина июня – это вам не май-месяц! Надо быть готовой ко всему, тем более, без машины.

Этим утром на автобусной остановке оказались: спортсмен в шортах и лёгкой ветровке, две пенсионерки в цветастых блузках, семья с тремя сорванцами в джинсах и летних майках и сияющая Алла.

В пальто.

Три минуты спустя Алла забилась в новенький ПАЗик – герой недавних сюжетов местных СМИ. В новостях гарантировали удобство, комфорт и абсолютное решение транспортной проблемы в городе.

Похоже, именно сегодня сограждане решили на собственной шкуре испытать качество транспортного обслуживания. Справа Аллу комфортно подпирала пышная дама, она шумно и горячо дышала. При каждом движении автобуса край её широкополой шляпы больно впивался Алле в ухо. Приходилось наклонять голову вниз и прикрываться драповым

плечом. Поэтому рассмотреть пассажиров слева не было никакой возможности. Но, судя по волосатым голням и бледным июньским коленкам, их-то Алла увидела, спасаясь от назойливой шляпы, все щеголяли в коротких шортах. А если встречались длинные брюки, из-под них стыдливо выглядывали резиновые сланцы.

– Может, расстегнуться?

Автобус остановился. Алла вышла, во весь рот улыбалась солнышку, ей хотелось помахать ему. Она задрала голову вверх и застыла: на крыше торгового центра электронный термометр показывал +21. Это подтверждала бегущая по спине капля и выразительные взгляды ранних посетителей торгового центра. Все, как один, в майках они с любопытством рассматривали Аллу и её пальто.

– Модная всесезонная одежда, любуйтесь. Вы ещё про шапку в сумке не знаете! – Алла с независимым видом продефилировала к автоматическим дверям, триумфально глядя поверх голов. Она мечтала об одном – скорее скрыться в спасительной прохладе холла.

Двери почему-то не распахнулись.

– Сломались, что ли? – сделав подиумный шаг-поворот, нарядная Алла дёрнула ручку обычной двери – тщетно. Затем ещё и ещё одну.

Разморённые утренним солнцем люди смахивали пот, шурились, пытаясь рассмотреть цифры на бликующих экранах мобильных: 9.57. Через три минуты вальяжный охранник

отключит блокировку и запустит всех страждущих в кондиционированный рай супермаркета.

Алла методично проверяла на прочность треклятые ручки, пока не упёрлась в весёленькую табличку «Закрито». С ослепительной улыбкой вполголоса перечислила все известные ей матерные выражения и, наконец, стянула пальто.

– Уфффф...

К счастью, сразу же подъехала прекрасная машина блабла. И в ней работал восхитительный климат-контроль. А маленькие сумки Алле никогда не нравились, куда бы она сложила всю лишнюю одежду?

Гардеробщик офисного здания, куда Алла – таки добралась, смиренно и презрительно принял неуместное пальто и выдал номерок. Его рабочий день прошёл не зря. Пальто разместилось на самом видном месте в центре гардероба.

Единственное.

Алла хихикала каждый раз, пробегая мимо, в перерывах между лекциями. Пальто висело одинокое, красивое и гордое, ловя недоумённые взгляды.

Вечер оказался под стать дню: солнечный и душный. Вдохновлённая семинаром, переполненная идеями, эмоциями, Алла возвращалась домой. Даже толпа в ПАЗИКе не раздражала. Даже чужие голые колени не беспокоили.

Ещё в подъезде она почувствовала аромат фирменного дяди Пашиного ужина. Ммм... Отличное завершение рабочего выходного.

– Птичка моя, ты не замёрзла сегодня?

– А...– сумка, набитая тёплыми вещами, упала на пол в прихожей.

За сто километров от Аллы в центре чужого пустынного гардероба, осталось висеть её любимое пальто. Бирюзовое. Одинокое. А за стойкой презрительно кривился крайне неприятный тип, так и не закончивший работу: номерок уехал вместе со странной дамой.

– Оно обиделось на меня!– рыдала Алла на мужнином плече.

– Оно решило показать тебе, что наступило настоящее лето.

На следующее утро Алле вновь пришлось ехать на работу на автобусе. Ксюшенька категорически отказалась заводиться.

Такие все обидчивые!

Лексус в кустах

– Умные люди во второй половине дня в лес за грибами не ходят, поэтому мы поедем! – объявила Алла.

Компания собралась отличная: Алла, дядя Паша, собачка Мимоза и сосед – глубокий пенсионер Сергеич, который прихватил на тихую охоту старое ружьё.

Грибники загрузились в совершеннолетнюю Алкину десятку по имени Ксюшенька и помчались по пересечённой местности. Местность и впрямь была пересечена вдоль и поперёк: ручьи, каналы, перелески, вспаханные поля. То есть, всё, что в средней полосе России принято называть «Родина». До нужной точки на карте экспедиция добралась без происшествий, если не считать того, что Сергеич, по старой милицейской привычке, щёлкал затвором, пугая спутников.

Лес, порезанный на квадраты квартальными просеками, радовал урожаем. Очень скоро Аллина корзинка и ведёрко дяди Паши наполнились румяными боровичками и крепенькими подберёзовиками. Сергеича «грибная шелупонь» не интересовала. Он охотился за чёрным груздем. С рюкзаком и ружьём.

– Ружьё-то оставил бы в машине, – беспокоилась Алла.

– А вдруг чего?

– Так, может, оно заряжено? А? Сергеич? – дядя Паша откровенно хохотал.

– Не, не заряжено, но с ним надёжней, – крихтел сосед, срезая очередную полянку солений.

Белая Мимоза скакала по кустам, не забывая следить за людьми – вдруг потеряются.

– Экспедиция, по местам! – крикнула Алла, пристроив в корзину последний аккуратный грибок. – Ксюшенька, домой!

Пофыркав, машина поползла по просеке. Раз квадрат. Два квадрат. Ещё четыре лесных перекрёстка и трасса.

Тёмный силуэт преградил дорогу. От неожиданности Алла до скрежета вдавила педаль тормоза. Задремавший человек с ружьём шумнул затвором.

– Простите, пожалуйста, – мужчина в дорогом чёрном костюме согнулся пополам, когда Алла опустила стекло на водительской двери, – а вы в лесу белый Лексус не встречали? – Вторая фигура с пакетом из «Магнита», полным грибов, материализовалась из полумрака. Пара амбалов в строгих костюмах среди берёз и сосен выглядели, мягко говоря, неуместно.

Дядя Паша вспомнил, как несколько лет назад они потеряли Ксюшеньку в трёх ёлках:

– Да, мужики... Дела. Заблудились. Садитесь в машину, поедem искать.

Спящего Сергеича пришлось сморщить и прижать к двери, а Мимоза без особого удовольствия притулилась на мощных чёрных коленях. Крупнокалиберные пассажиры не впи-

сывались в габариты тесной десятки. Ксюшенька крякнула, заскоблила просевшим задом по земле. Но тянула изо всех сил, светила подслеповатыми фарами, нарезала круги по лесным квадратам.

Темнело быстро. Лексус не появлялся. Собака елозила по брюкам. Потерпевшие густо молчали. Сергеич залихватски захрапел.

– А почему у вас дедушка с ружьём? – осторожным шёпотом спросил человек в костюме. – Вы ж за грибами?

– А вдруг чего? – цитируя соседа, криво усмехнулась Алла.

Лес. Ночь. В машине подозрительные люди. Сейчас она была признательна чудаку Сергеичу за предусмотрительность. С оружием спокойней. Даже ржавым и незаряженным. А есть ли тот Лексус? Был ли?

В свете фар мелькнуло что-то большое и явно не местное. – Стой! – заорали пассажиры. – Вот он!

Новенький белый автомобиль ожидал хозяев ровно там, где они его оставили. Люди в чёрном напрасно пытались очистить белую шерсть с брюк – Мимоза пребывала в стадии активной линьки. Они сдержанно благодарили нечаянных спасителей и даже предлагали деньги.

Алка с Пашей не взяли: простым людям надо помогать.

Расселись по машинам. Облегчённо вздохнули, каждый о своём.

– Пашка, чего не приедем-то никак? – очнулся Сергеич. –

Случилось что? – он лязгнул затвором.

– Спи, сосед. Скоро будем дома.

Алла решила: ходить за грибами по вечерам зареклась, теперь и ездить не буду.

Грибные разборки закончились за полночь, и наутро Алла проспала. Это было обычным состоянием, поэтому на работу она всегда собиралась, как на праздник – за две минуты. Что не мешало ей выглядеть на все сто пятьдесят.

Алла выхватила из шкафа воздушное бирюзовое платье – удачное приобретение – гладить не нужно. Привычным движением растрепала волосы и... «Стоп, Алла! Ресницы накрась! Вот, теперь ты – летняя богиня, можешь ехать», – подбодрила она саму себя.

Ксюшенька грела расписные бока под утренним солнцем. Не так давно Алла частично покрасила машину обычной серой краской. Просто взяла и замазала всю ржавчину на кузове. Старческие щербинки на капоте хотелось превратить в озорные веснушки, но получились только юношеские прыщи. Алка давно уяснила, что в изобразительном искусстве она – маляр. Несмотря на это, было приятно ощущать себя немного художником.

– Доброе утро, старушка! Какая ты у меня красивая! – поздоровалась Алла, с удовольствием рассматривая машину. – Поедем на работу?

Сначала Ксюшенька не соглашалась: фыркала и не желала

ла заводиться. Видимо, вчерашние гонки по лесу в поисках неизвестного утомили несвежий организм. Но хозяйка знала её не первый год. Несколько раз вставить и вынуть ключ, открыть и закрыть капот, погладить руль – эти нехитрые манипуляции обычно смягчали железное сердце, и мотор начинал работать.

Алла любила водить. Ей нравилось ощущение свободы передвижения, доступность любой точки города. Ревматизм дверей, недержание антифриза и другие мелкие неполадки боевой подруги её не смущали и не пугали. А насчет скорости Алла всегда цитировала одного опытного водителя: «Жизнь и так короткая, поэтому поедem медленно».

И машина ехала. И это было прекрасно!

О, вот и перекресток «всекозлы». Ну, точно – все козлы! – Да мужики! Ну, неужели вы не видите, что люди на левый поворот стоят?! – привычно ворчала Алла. – Куда? Куда ты прёшь? У тебя «жёлтый»! Мне на запрещающий поворачивать?

Сзади уже истерично сигналили. Ох, и раздражали Алку эти торопыги!

– Если я не еду, значит это кому-нибудь нужно, не? Всё, еду-еду! – Алла нажала на газ. Ксюшенька проигнорировала. – О, нет-нет-нет, пожалуйста, милая, только не здесь!

Машина не реагировала на мольбы и вызывающе стояла поперёк перекрестка. Сзади надрывался клаксон белого огромного автомобиля, а уж про водителя Алла и думать не

хотела. Она нажала кнопку «аварийки».

– Скорей, скорей убраться с этого лобного места! Ооо, старая ты лошадь! – Алла в десятый раз дёрнула ключ зажигания, откровенно психовала. – Ну, всё. Идет с разборками. Улыбаемся, Аллочка.

– Слушай, ты, клуша! Убирай своё ржавое ведро! – амбал в чёрном костюме со следами белой шерсти на брюках явно был настроен решительно.

– Вчера вечером вам моя машина ведром не казалась, – идиотское положение стремительно превращалось в анекдотичную ситуацию.

С водительского места белого Лексуса, что уперся мордой в раскрашенный багажник Ксюшеньки, выглядывал второй «чёрный человек».

– Ой, прошу прощения! Это вы? – нападение перешло в защиту. – Вы так изменились со вчерашнего дня.

– А вы решили, что я в резиновых сапогах и «камуфляжке» и в пир и по грибы? – она со значением окинула взглядом униформу незадачливого вчерашнего грибника.

Ослепительная утренняя Алла смаковала его ошеломление, её уже не беспокоили собравшаяся автоочередь и сигналы разозлённых водителей.

– Что случилось? Не заводится? – стараясь замаять неловкость, «чёрные» суетились вокруг капризной Аллиной десятки. – Мы сейчас всё сделаем, мы вас в свой сервис отвезём, вы не волнуйтесь, пожалуйста.

Алла не волновалась. Она едва сдерживала рвущийся наружу дикий хохот.

А Ксюшенька согласилась поехать. Скорей всего, дело было в белоснежном Лексусе, за который она уцепилась розовой верёвочкой с мощным крюком. Почему старушкам всегда так нравятся молодые?

Алла не любила восьмое марта. Ни название: Международный Женский день, ни исторические корни – женщины всего мира борются за свои права, ни то, во что превратился праздник по факту.

Алле не нравилось всё. Пожалуй, хуже только предновогодняя лихорадка. Поскольку в положении обязанных и должных находятся бедные-несчастные мужчины. Придумать, найти, купить, спрятать, чтобы ни-ни: раньше времени не обрадовалась, а, в большинстве случаев, чтобы не устроила скандал. Вручить в нужный день. Обязательно торжественно и глупо:

– Поздравляю тебя, дорогая, с тем, что ты – женщина!

До этого, конечно, кофе в постель.

– Хорошо бы сварить, да опять не собрался починить кофемолку... Ура, есть растворимый. Не помню: её с сахаром или без?

Разбуженные папой раньше времени, неумытые дети в трусах пытаются стоять навтыжку в коридоре с открытками из детского сада наизготовку: «Дарагая мама! С! 8-мое (за-

чёркнуто) 8-ым марта!»

А ты, такая, открываешь глаза, в идеале – уже накрашенные и восторженные.

– Боже! Милые мои! Какой сюрприз! Какое чудо! Прелестные подарки!

Звуки поцелуев.

– Ты ещё полежи, отдохни, сегодня твой праздник! А мы, – заговорщицки подмигивает детям муж, – отправляемся на кухню! Живо!

Потом, конечно, завтрак, украшенные розами из майонеза бутерброды, все друг другу улыбаются, сияют, разгоняя мартовскую хмарь.

Недовесна и перезима.

Потом все вместе в гости или гулять. Счастливая семья.

Картинка из рекламы Сбербанка: дом – полная чаша, через край которой льётся семейное счастье. Спасибо, Сбербанк, за наш отдельный двухкомнатный рай. Обязуемся всё отдать с процентами.

А кто-то утверждал, что счастье не купить! Купить нельзя. Получить на восьмое марта – пожалуйста!

Мёртвый букет

В золотые восьмидесятые реформы системы образования ещё не обрушились на простую советскую школу. И начала состояла из трёх крепких классов. Алка заканчивала последний.

Третьеклассник – человек почти взрослый. Примерно в этом возрасте пора полноценно начинать участвовать во взрослых праздниках. Примерять их на себя, как яркие закладки, пробовать на вкус: каково это – поздравлять мальчиков или дарить подарки девочкам? Волнительные гендерные игры.

23 февраля и 8 марта – так попросту и назывались эти дни. Ведь писать на открытках «День Советской Армии и Военно-морского флота» и «Международный женский день» третьеклассникам было не под силу, а уж произносить...

Алла знала полные названия. Они ей нравились. Она любила сложные длинные словестные конструкции и формулировки, гордилась этим, но вслух произносить стеснялась. Скажут ещё, что слишком умная.

Для младших школьников два праздника, находящиеся так рядом в календаре, служили неким самоопределением:

Я – мужчина.

Я – женщина.

Собраться в классе «поздравлять мальчиков» или «го-

товить поздравление для девочек» было сродни первой дискотеке или ещё чему-то такому же волнительному и немного запретному. Из взрослой жизни.

В то мартовское утро мальчишки шептались по углам. Девочки были неестественно смешливы, нарочито вежливы и каждая – красоты неопишуемой. Женский праздник! Женский! Только для женщин! Наш праздник.

В назначенный час весь класс торжественно расселся по своим местам. Сидели важно и непривычно тихо. Одни ждали, когда начнется таинство, а другие совершенно не представляли, с чего именно его начать? Наконец, два наиболее сознательных третьеклассника – Андрюша и Юра – неуверенно пробрались к доске.

– Дорогие наши девочки! Поздравляем вас с восьмым мартом! Желаем успехов в учёбе и счастья в личной жизни!

Хорошо было в восьмидесятых: текст поздравления был напечатан на любой открытке. Готов и утверждён. Идеологически выверен и универсален. Удобно.

Девочки похлопали глазами. Похлопали в ладоши. Снова тишина. Молодая учительница Ольга Николаевна решила помочь:

– Мальчики, а подарки у вас есть?

Двое у доски хитро перемигнулись:

– Есть! Но их нужно выиграть.

Кажется, дело пошло. Девчонки оживились – подарки, игры. Каждая думала про себя: уж я-то непременно выиг-

раю подарочек. На доске мальчишки начертили головоломку. Конструкция из палочек-спичек, которую нужно превратить в другую, с помощью перемещения всего трёх элементов.

Девочки задумались: о скором лете, о загадочном подарке, о котёнке, что ждёт дома. Некоторые честно пытались решить задачку, рисуя варианты в тетрадках, открыв их с обратной стороны.

В тот самый миг, когда головоломка появилась на доске, Алле стало совершенно ясно – подарок должен достаться ей, и одновременно она поняла, что с решением задачи не справится. Она надеялась на озарение, даже чертила на листочке бесполезные линии. В то время Алка ещё не знала, что не дружит с математикой и логикой, что даже вид цифр мгновенно переключает тумблер в её голове: это не моё, я не знаю, думать не буду, ибо – бесполезно. А тогда для третьеклассницы Аллы математика была обычным предметом, она разбиралась в нём не хуже, чем в других, то есть на оценку «отлично».

Желание получить подарок росло, головоломка не подавалась. Никому. Отличница Таня Петухова аккуратными ровными линиями исчертила двойной листок, проклятые спички не желали строиться. Обязательно одной не хватало. Зубрилки Катя и Света раз попробовали и бросили задачу без сомнения – за это ведь не будут ставить оценки! И не прячась, играли в «зуби-зуби» – сложная многофигурная ва-

риация «ладушек» с замысловатым текстом и движениями. Даже Ольга Николаевна выбрасывала в мусорную корзину один за другим смятые варианты.

Мужская половина класса откровенно скучала. Активисты у доски начали чувствовать неловкость. Время идёт, программа не движется, настроение портится.

Откуда взялась эта бумажка с правильным ответом? Может, ведущие, отчаявшись дожидаться верного варианта, достали её, чтобы сверить: всё ли они начертили как нужно? Или выпала из кармана, пока бегали по классу при подготовке? Кто сейчас будет разбираться?

Но Алла увидела верный ответ. Одного мгновения хватило, чтобы всё встало на свои места. Она быстренько нарисовала в тетрадке правильную комбинацию из спичек и, не сомневаясь, выбежала к доске и начертила нужную фигуру. И получила заслуженный приз – огромный, восхитительный букет желто-синих бумажных цветов. Кто сказал – кладбищенских?!

Женская половина класса охнула от зависти. Целый букет! И весь Алке. Все ребята понимали, что счастливица стырила ответ. Кроме неё. Алла убедила себя, что подсмотрела лишь самую капельку, а потом всё придумала сама. И она – молодец! Победила.

Аплодисменты героям: довольные активисты с облегчением вернулись на свои места за партами – всё позади. Как выяснилось, на этом культурная программа была исчерпана.

– Мальчишки! А вы ещё что-то приготовили? Загадки, поздравления? – учительница начала волноваться. – Как же другие девочки? Надеюсь, не останутся без подарков?

Алла прижала бумажный букет к груди – делиться она не собиралась.

Девочки переводили обиженные взгляды с Алкиных цветов на Андрея с Юрой. Некоторые начинали хлюпать носом.

– У меня ещё цветы есть! – Андрюшка вытащил из-под парты точно такой же букет из гофрированной бумаги.

Букет быстренько разобрали на отдельные цветочки с яркими набалдашниками и голой провололочкой-стебельком. Раздали девчонкам, и даже Ольге Николаевне досталось четыре штуки. Но по отдельности искусственные цветы вовсе не были так великолепны, как в пышном букете. Поэтому Алла немного свысока смотрела на одноклассниц. Она чувствовала себя королевой!

– Нравится? Три рубля стоит! – распалялся Андрюшка.

– Андрюша, а где ты деньги взял? – забеспокоилась Ольга Николаевна.

– Папа дал! Я и купил девчонкам, – он искренне радовался.

– Мальчики, надо собрать деньги и возместить Андрею расходы на подарки, – сказала учительница тоном, не терпящим возражений.

Так мальчишки впервые узнали, что Восьмое марта – это обязанность.

Довольная Алла принесла цветы домой и набрызгала для полноты ощущений «Красной Москвой». Воды букет не требовал, поэтому две недели валялся на письменном столе. Мама с ужасом смотрела на аляповатую безвкусицу, и через некоторое время по тихой засунула подарок на антресоли. Алла не заметила пропажи. Там он благополучно провёл следующие пять лет, запылится и выцвел. А когда Алла обнаружила его, разбирая вещи для переезда, без тени сожаления выбросила мёртвый букет в мусорное ведро.

Это было в шестом классе. Алка сидела дома и никуда не собиралась. Все подарки на восьмое марта были уже вручены, а всё вкусное съедено.

Раздался звонок в дверь. На пороге стоял двоечник Лаврентьев. В полумраке подъезда его лицо соперничало глубиной зелёного оттенка со стенами. Он торопливо протянул Алке красную гвоздику и пролепетал:

– Поздравляю с восьмым марта!

Вдруг неожиданно клюнул в щёку – это был поцелуй! – сунул Алке в ладонь смятую тёплую бумажку и умчался вниз по лестнице.

Стоя на площадке, обалдевшая Алла слушала, как он стучит подошвами по ступенькам – с пятого этажа быстро не сбежишь. Наконец, дверь подъезда с грохотом захлопнулась. Алла пришла в себя и прочла записку.

На клочке тетрадного листа небрежным мальчишеским

почерком было написано: «Ты, наверное, уже догадалась. Я тебя люблю. Очень».

– Вот дурак! Как я должна была догадаться? Хм... А ошибок-то нет.

Из-за этой гвоздики Алка увидела, разглядела белобрысого конопатого пацана. Она даже думала о нём некоторое время. И... Он ей понравился. И гвоздика эта, пунцовая от его смущения, понравилась. Ведь не считая вероломно выигранного, мёртвого букета, это были первые цветы в её жизни, подаренные мужчиной.

Казалось бы, этот случай просто обязан был положить начало пылкой Алкиной любви к гвоздикам.

Казалось бы...

Про отца

Шёл второй год, как Алка с родителями и братом переехали в новый дом. Родственники косяками тянулись в гости. Охали, ахали, восторгались, а порой тихо завидовали и злорадовались: «Стены-то кривые, обойчики-то дешёвенькие. Но – площадь! Но – два этажа!»

Завидовать было чему. Из двушки на пятом в панельной коробке перебрались в собственный коттедж. Четыре комнаты, общий холл – слово-то какое буржуйское! – огромная кухня, терраса, веранда, земля. И помещение под крышей со странным названием «пазуха», и подвал, пусть там пока и приходится ползать на четвереньках, но это пока: «Выкопаете, обживётесь».

Конечно, и мамины родители приезжали. Помочь, поддержать, посоветовать. Вот и нынче – на праздники. На Восьмое марта.

Мама с утра суетится, готовит праздничный обед из того, что сумела добыть. Середина девяностых – не разгуляешься. Но приехали родители, надо сделать всё в лучшем виде: всё у нас хорошо, прекрасная семья. Отличный весенний праздник! Женский, радостный, светлый.

А папы в тот день почему-то не было дома. Он мог уехать по работе, мог уйти в магазин, пятнадцатилетняя Алла не знала, куда он пропал с самого утра. Не знала и мама, но гре-

мела тарелками, нарочито звонко разговаривала, как могла, делала вид, что ничего не происходит. Папа вот-вот будет дома, и мы все усядемся за стол отмечать светлый праздник красоты, любви и весны.

Нехитрые закуски были готовы. Чем там угощались в девяностые – винегрет, квашеная капуста, салат из моркови с чесноком, праздничный огурец кружочками, картошка, тушёная с морковью и луком. Бутерброды со шпротами – деликатес.

Сели за стол.

Хуже всего для Аллы было всеобщее добровольное изображение счастья. В то время, как на самом деле ситуация складывалась паршивая. И сколько Алла не размышляла об этом принудительном празднике, не могла придумать – за чем? Нет,

«зачем?» – как раз понятно. Детей и родителей не обязательно посвящать в проблемы. Но вопрос: «для чего?» так и завис.

Никому из домашних то застолье не принесло ни радости, ни настроения. Три поколения семьи усиленно праздновали, громко чокались бокалами, произносили заздравные речи, думая только о том, когда же закончится эта пытка.

«Как он может? Как смеет ставить маму в такое положение?» – клокотало, шипело, взрывалось внутри честной максималистки Алки.

До последнего она надеялась, что вот, папа придёт, как на-

стоящий рыцарь с букетом роз невероятных размеров, обязательно белых. Это за ними он полдня гонялся по городу. С вкуснейшим тортом, который заранее заказал, с подарками для любимых женщин. Подарки непременно должны быть крупными, ведь он оставил их на работе, иначе дома бы сразу обнаружили, а что это тогда за сюрприз?

Только так можно было спасти этот чёртов день! Только это мгновенно сняло бы вопросы интеллигентно промолчавших бабушки и дедушки, развеяло недоумение шестиклассника Женьки. Не было бы маминого восторженного, на грани истерики, унижения. И растаяла бы тягучая патока омерзительного цвета и запаха, заполнившая комнаты, стаканы, мысли, души.

Алла ждала, чувствуя, что всё совсем не так. Но надеялась, надеялась, надеялась...

Он появился, когда мама разливала чай. В расстёгнутом полушубке, в гигантской, лихо заломленной шапке – чудовища из шкуры козла, недавно сдуру

купленной на рынке. Отец занимал собой всю улицу. Он кланялся каждому сугробу, опираясь на цветы, что нёс в руках, и громко пел.

Отец вломился в дом, наполненный праздником, праздник теснил грудь, рвался наружу. Щедрыми ручищами он выгребал на стол конфеты, пряники, заветренные кружочки колбасы, вперемешку с обрывками газет, крошками и снегом, набившимся в карманы и стремительно тающим в тепле.

– Вот, вам, детки! Тебе, жена!

Никому не нужные, никем не убранные, объедки чужого праздника до самого вечера валялись на столе. Весенний букет красных мемориальных гвоздик – две бодрые, одна сломанная – вместе со всем этим богатством Алла брезгливо стряхнула в мусорное ведро. Она навсегда возненавидела восьмое марта и гвоздики. А потом, лёжа на кровати и рыдая в бессильной злобе, клялась себе, что не позволит так поступать с собой. Никому. Никогда.

Впрочем, цветы были ни в чём не виноваты.

Конечно, в жизни Аллы были и прекрасные празднования женского дня. Наверное, в детстве, когда родители делали всё, чтобы было так, как надо. И маленькая Алла воспринимала так, как надо. Радовалась празднику, дарила всем женщинам подарки: бабушкам, маме, учительнице и подружкам. И что-то получала, скорей всего, очень даже милое и приятное.

Но ничего из этого почему-то не запомнилось. Ощущение фонового счастья не остаётся в памяти – там не за что зацепиться. Хорошо и всё. Детали можно опустить.

Непростое украшение

Алла обожала подарки! Получать и дарить. Всегда трепетно и вдумчиво выбирала – чтобы был не случайным, отражал личность. При этом, материальная составляющая значения не имела. Важен факт.

Есть деньги на цветы – купи букет роз. Нет – наломай сирени, нарви одуванчиков. Можешь позволить себе приобрести шубу – прекрасно. Нет – свяжи носки. Приготовь салат, отведи смотреть на закат, сочини стишок, нарисуй сердечко зелёной на попе – миллион вариантов. Главное, чтобы подарок был.

И Димка с Санькой с раннего детства клеили аппликации, оставляли отпечатки раскрашенных ладошек на открытках, вместе с мамой Аллой мастерили поделки для бабушек. Очень хотелось приучить, вложить в маленькие головёнки радость дарения. А ещё страшно хотелось самой получать подарки от детей и мужа.

Но Аллины усилия не давали результатов.

Дядя Паша обладал уникальной фигурой, специфическим вкусом и тридцать восьмым размером ноги. После совместных походов по магазинам Алла с тоской осознавала: никто на всей огромной планете не в состоянии ни единой шмотки сшить на её любимого мужчину.

– Велико.

– Мало.

– Не нравится.

Такие скудные характеристики он давал почти каждой вещи. И Алкиным любовно выбранным дарам тоже. Поэтому ещё на заре семейной жизни она бросила неудачные попытки самостоятельно приодеть мужа. Есть вещи более насущные, испытанные на тысячах мужчин, не угрожающие супружескому счастью. Крем для бритья и хороший алкоголь ещё никому не помешал. Опять же, запас носков – полезная в хозяйстве вещь. Не оригинально. Зато наверняка.

Но то ли из красочных коробочек, что Алла преподносила Паше, слишком выпирала её личность, то ли глаза жены сияли такой бескорыстностью, что невольно закрадывались мысли о чётком расчете – традиция взаимного дарения в семье не складывалась.

Конечно, у Аллы был расчёт. На ответный жест. Нет. Не те мемориальные гвоздики, что однажды восьмого марта дядя Паша, смущаясь, достал из газетного кулька. Догадался!

Не оплата случайно схваченной юбки:

– А давай, это будет подарок на Новый год?

– А давай. Подумаешь, октябрь!

Нет. Алка ждала сюрприза, неожиданности. Чуда ждала. Мечтала, чтобы муж так же, как она, заранее придумывал подарок, присматривал, чем бы порадовать любимую.

Перед праздниками всегда старалась дать незаметные подсказки:

– Ой, Паш, а к нам скоро Борис Борисович приезжает. И весь «Аквариум» с собой привезёт. Сто лет их живьём не слышала...

– Целый аквариум?

Или:

– Дожили! Обносились молодая красивая женщина! Трусов приличных нет – не в чем в люди выйти! А в «Инканто», тем временем, весенняя распродажа!

– Ну, зайди, посмотри.

Алка ухищрялась. Изворачивалась. Надеялась. Не таков был дядя Паша. Не заточен он был на романтику. Да и деньгами часто не располагал. А сюрпризов вообще побаивался. Видимо, хорошо запомнил Алкину реакцию на те несчастные гвоздики. Поэтому чудо в их жизни никак не происходило.

А потом произошло.

Паша устроился работать на ювелирное производство. Жизнь в один момент стала веселей, сытней, стабильней. Паша в короткие сроки обзавёлся дополнительными десятью килограммами уверенности в завтрашнем дне, а Алла получила в своё распоряжение каталог продукции.

И влюбилась.

В золото. Бриллиантовая группа в каталоге не была представлена.

Вскоре у Аллы появились браслет и цепочка «бисмарк», серьги с гранатом, кольцо с аметистом, ещё одно кольцо –

бело-розового золота, пара изящных булавок с камушком и брошь-сова.

Всё золотое-золотое! Блестящее-блестящее! От мужа – любимого-любимого.

Огорчало одно. Всё это великолепие она выбирала сама, показывала пальчиком на картинку и вскоре получала. Всё было. Романтики не было. Пришлось довольствоваться драгоценностями.

Однажды утром в День рождения Алла потянулась в кровати, потёрла кончик носа, почувавший праздник, и больно ткнула чем-то прямо в сонный глаз. На указательном пальце правой руки сияло кольцо с огромным раух-топазом. Солнечные лучи преломлялись в дымчатой глубине камня, оплетённого золотой филигранью, меняли его цвет на чёрный и выстреливали в противоположном направлении. Такого произведения ювелирного искусства не было в каталоге.

Такого вообще не было. Нигде. Только у Аллы. В День рождения. Сюрпризом.

– Ааа! Пашка! Где ты прячешься? Я тебя сейчас зацелую!

Снимать кольцо Алла категорически отказывалась. Даже, когда мыла посуду. Даже, когда драила лестничную площадку. Даже на ночь, под угрозой исцарапать себе или Паше лицо. Это был символ её сбывшейся мечты. Редкий изменчивый топаз на пальце доказывал, что всё не зря: и свитера неудачной расцветки, и гвоздики в газете.

Димка, Санька и собака Мимоза вырвались из душного

салона машины. Мальчишки наперегонки помчались к реке, на бегу стягивали шорты и футболки. Хотелось прыгнуть в воду и, наконец, ощутить непривычной гусиной кожей начало лета.

Белая Мимоза под шумок спряталась в прохладную прибрежную траву, высунув оттуда только чёрный нос: «Авось не заметят и не потащат купаться». Восторгов братьев по поводу водных процедур она не разделяла.

– Мальчики, не лезьте в воду. Папа проверит дно, – крикнула Алла, распахивая все двери, чтобы проветрить автомобиль.

Хохот и визг детей смешался с плеском воды. Дно уже проверили. Опытным путём. Дядя Паша расстелил на берегу покрывало и грел белое ювелирное пузо на солнышке.

– Как хорошо, Паш, что мы живём так близко к реке. Два шага – и ты на природе, – Алла подвинула мужа и села рядом.

– Чего ж ты на машине нас привезла? – хохотнул дядя Паша.

– А чтоб Ксюшенька не забывала, что она для нас, а не мы для неё, – Алла с нежностью посмотрела на сияющие намытые бока десятки-Ксюшеньки. По лакированной поверхности скакали солнечные зайчики. От камня в кольце.

– Ты и купаться с кольцом полезешь, птичка? – дядя Паша подвернул солнцу конопатую спину.

– С кольцом полезу. Оно ведь по размеру сделано. Специально для меня. Идеально сидит, – Алла поцеловала топаз. –

А знаешь, кто подарил? М?

– Кто? – Паша игру поддерживал.

– Муж. Между прочим, любимый, – Алла пальцем выводила на Пашкиной спине слово «муж». А потом тихонько прикусила его за пухлое плечо.

Восьмилетний Димка и маленький Санька вопили, молотили руками по воде, барахтались по-собачьи – до синюшных губ. Родители вытаскивали их из реки силком, чтобы чуть-чуть отогрелись.

– Подождите, хоть ил осядет. Вы из реки болото сделали.

Мальчишки вытаращив глаза и стуча зубами, уставились на воду. Залежи ила на дне, взбитые детскими пятками, всплыли, превратив теплую чистую воду в густой коричневатый кисель. Как в таком купаться?

– Сушите трусы! Грязь осядет, и снова можно баламутить, – засмеялся Паша.

– Зачем сушить трусы, если всё равно мочить?

– Десять кругов вокруг машины, марш!

Дети помчались по поляне, и поминутно проверяли, не осела ли придонная муть. Осела быстро.

– Я буду с маской нырять! – мальчишки бросились в воду.

Алла с Пашей плавали ближе к середине реки, где вода была чистая. И слоёная, как желе: сверху тёплая, чуть глубже – прохладная. Опустить ногу – снова тёплый слой. А кончиком пальца можно ощутить тёмную стылую глубину. Аллу передёрнуло от мысли: есть ли там дно?

Но у берега резвятся дети, из травы торчит собачий нос – за всеми следит, рядом пыхтит, отдувается муж в красных плавках, а топаз на пальце сверкает...

– Па-а-а-ша!!! – Алла закрутилась в воде, беспорядочно замахала руками.

– Что? Что? Ногу свело? Хватайся за меня, давай к берегу, – Пашка попытался взять Аллу за плечи.

– Кольцо! – она тыкала правой ладонью в мокрое Пашино лицо. – Кольцо, моё кольцо, Паша. Я его потеряла!

– Тьфу, ты, дура! – Пашка от облегчения ушёл под воду с головой. Вынырнул, отфыркиваясь, – я думал, ты тонешь!

– Кольцо, надо его искать, Паша, – Алла не умела нырять и лишь беспомощно всматривалась в воду.

– Где ты его найдёшь теперь, забудь. Я тебе другое куплю, – Паша поплыл к берегу.

Алла не двигалась, только всхлипывала.

– Алл, не дури, выходи на берег.

– Паш, а как я отсюда уплыву? Если я уплыву, мы место потеряем.

Пашка ухватился руками за пучок травы – по скользкому глинистому склону не так-то просто было подняться на берег. Он почти вылез.

– Как же ты будешь нырять, Паш?

– В смысле – нырять?! – Пашка от неожиданности отпустил траву и съехал в лягушатник к детям.

– За кольцом, – Алла уже всё решила.

– Ура! Ура! Папа будет нырять! – завопил Санька.

– Пап, мы тебе маску дадим. С дельфинчиками! – подхватил Димка.

– Обалдела, что ли?

Алкина голова в полосатой косынке упрямо торчала из воды на том месте, где утонуло кольцо. Алла попробовала нащупать ногами дно, и ей неожиданно удалось дотянуться до скользкой холодной вязкости. Она пыталась найти опору, чтобы, встав на одну ногу, второй обшаривать дно. Но зыбкий ил только мерзко затягивал, не давал устоять.

– Как я тебе его найду на дне? – Пашка уже почти орал.

– Ты умеешь нырять. У Димы есть маска. Дети, быстро на берег!

Через пять-семь минут пререканий, увещаний и угроз победила любовь. И Паша с Аллой поменялись местами. Синегубая Алла съёжилась под полотенцем на берегу. Паша частями показывался из воды: то круглые пятки, то красные трусы, то голова в детской плавательной маске с дельфинчиками. И если пятки с трусами отличались молчаливостью, то каждое появление над водой головы в маске сопровождалось бурным недовольством:

– Алла, на дне ничего не видно!

– Пашенька, а ты как-нибудь.

– Алла, это бесполезно!

– Это полезно. Ещё как полезно! Ты спасаешь моё кольцо!

– Алла, мне не хватает воздуха!

– Воздуха? Так я сейчас, Пашенька, я быстро.

Когда Пашка снова вынырнул, ни жены, ни машины на берегу не было. А вот дети были.

– Пап, мама сказала, чтоб ты никуда не уплывал. Чтоб место не терять! – кричал Димка.

– А мама домой уехала, – пищал Санька.

– Пап, мама сказала, чтоб ты воду пока не мутил.

– А мне сказала тебя из реки не выпускать без кольца, – маленький Санька грозно потрясал длинной травинкой, что сорвал у берега.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.